

— Несколько лет назад сначала во многих странах за рубежом, а потом и в России вышла написанная вами книга "Галина". Сейчас в издательстве "Согласие" готовится новое ее издание с обширным документальным приложением — ведь та "Галина" заканчивалась отъездом героини за границу. Расскажите, пожалуйста, Галина Павловна, как складывалась судьба книги?

— "Галину" напечатали в США в 1984 году по-английски, затем она была переведена на более чем двадцать языков, продавалась по всему миру. По-русски ее издал в Париже Владимир Максимов. Она долго была в списке бестселлеров, я получила за нее несколько литературных наград: премии критиков, премию Французской Академии искусств, другие...

Когда книга вышла на французском языке, к нам пришел композитор Марсель Ландовски и сказал, что настолько потрясен книгой, описанными в ней событиями, что хочет писать по ней оперу. Я, конечно, с радостью согласилась, но приняла его идею как-то отстраненно, будто он собирался писать оперу о ком-то вообще. В течение четырех лет он приносил и проигрывал мне отдельные сцены, советовался по вопросам либретто, он писал его сам, — и все равно я не принимала оперу как свое личное и думала, что еще много лет пройдет, может, я никогда и не услышу ее на сцене.

И вот в марте 96-го я приехала в Лино, где в оперном театре ставили оперу "Галина". Я вошла в темный зал одна, никто меня не видел. На сцене певица репетировала "Прощание с Большим театром". Когда я услышала мои слова, увидела себя в той ситуации, мне показалось, что я умерла и из другой жизни смотрю на то, что было со мной здесь, на земле. Как у Тютчева: "Так души смотрят с высоты на ими брошенное тело..." Я зажала рот рукой, чтобы не закричать.

Интересно Ландовски решил роль Ростроповича — его присутствие выражено только в звуках виолончели, визуально его на сцене нет. Мне кажется, только француз мог найти такой тонкий и элегантный прием. В либретто введен персонаж, как бы олицетворяющий советскую власть. Когда Ландовски проигрывал мне его сцены, я ему сказала, что получилась фигура, похожая на Скарпию в "Тоске". Так появился в опере "Галина" Скарпиев.

Для меня эта опера явилась событием не только потому, что она обо мне, но и потому еще, что она о моей стране, о событиях нашей жизни и того времени, о которых пока не написал никто из известных мне композиторов.

Вскоре состоялась премьера оперы "Галина". Она шла два часа, без антракта. И публика не шелохнулась.

— Книга вопреки вашим ожиданиям пришла и на вашу родину. Чем вы объясняете ее ошеломляющий успех у нашего читателя?

— Я действительно не верила, что такое может случиться. Знаю я это, написала бы ее, наверное, несколько иначе. Не вдавалась бы в излишние подробности, всем у нас известные. Не обращалась бы так часто к истории: наши люди на своей шкуре испытали ее прелесть. Я счастлива, что книга понравилась здесь. Об этом пишут мне, говорят. И узнают меня уже не по сцене — я уже 22 года не живу в России, выросло другое поколение слушателей... а по моей книге. Часто слышу от разных людей: "Это вы про меня написали". От очень многих. Наверное, потому, что в ней не просто жизнь артистки, а больше — вообще жизнь, судьба народа. Конечно, артистка нигде не делала — я рассказываю о своей карьере, о моих встречах с большими людьми — Шостаковичем, Мелик-Пашаевым, Покровским, Лемешевым, — но в основном это жизнь каждого моего соотечественника. Все равно, старый он или молодой. В книге нет ничего выдуманного, вот ей и верят.

— Со времени первого издания "Галины" на родине, с 1991-го, прошло пять лет. Уже издали многие недоступные прежде книги, которые вы цитируете, широко и полно обнародованы исторические факты, упоминаемые вами. Теперь найдены — и вы печатаете их в своей книге — секретные документы ЦК и КГБ, касающиеся вас. Читая их, вы делали для себя открытия?

— Мы знали, что подобные документы должны были существовать. Мы ощутили их силу на себе — все эти запреты, и душевные, и организационные замалчивание нашей работы, и изоляцию, и в конце концов изгнание и лишение гражданства. Конечно, случившееся с нами не было инициативой мелких сошек, нелепой случайностью. Врагами народа нас делали долго и старательно.

Новое было. Некоторые имена. Мы не догадывались об участии в нашем уничтожении тех или иных наших коллег. Новостью было письмо моих партнеров по Большому театру, адресованное Брежневу и датированное 5 апреля 1974 года, уже после того, как 29 марта нами было послано ему же заявление с просьбой об отъезде за границу. До сих пор я думала, что мои коллеги ограничились походом к Демичеву, не оставляя документальных следов для архива ЦК КПСС.

И вот еще что мы не могли предположить: того, что правители наши кормили грязным пойлом не только свой народ, — стараясь вызвать в нем чувство гнева и презрения к нам, идеальным перерожденцам, — но и друг друга. Сколько выдумки, прямой лжи в этих донесениях, заключениях, записях бесед — в так называемой объективной информации! Писали что хотели. Уверены были — никто за руку не схватит. Все секретное. А ведь от такой вот лживой бумажки совсем недавно зависла вся жизнь. В тридцатые — сороковые этого было достаточно, чтобы расстрелять человека, в мое время — чтобы намотать срок или лишить родины. Не нас одних — массу людей.

В новом издании "Галины" я решила привести, в приложении, эти документы: главным образом для неверующих, пусть собственными глазами убедятся, что эти



времена были. И нечего закрывать на это глаза, делать вид: мол, не знаю, не ведаю. Не знаешь? Так вот узнай. А не веришь — проверь.

В сущности, моя книга и направлена против этого вранья и бесамতিства. И то, что ее читают в России, хорошо. Каждый в ней находит что-то для себя. Кто-то больше узнает обо мне, кто-то — о времени, о жизни поколения.

— Книга заканчивается вашим отъездом на Запад. Как сложилась ваша жизнь там?

— Работала как лошадь. Ростропович до сих пор работает, и вся жизнь его происходит в самолетах и концертных залах.

— Это ж только нашему, русскому человеку издалека кажется, что на Западе сыплется с неба манна. Ничего подобного — каждый доллар нужно заработать потом и кровью. Работай — и будешь все иметь. Когда у нас это поймет каждый — Россия начнет возрождаться. А пока мы стоим с протянутой рукой и кого-то ждем — будем прозябать.

— Я ничего и никого не ждала. Нечего было ждать. Надо было, хочешь не хочешь, выходить на сцену. Трудиться.

Я многого добилась. Но многого и не сделала, что могла. Не спела, например, Кармен, Медео... Десятки моих партий. Я перестала об этом думать сегодня: что толку? На Западе я должна была делать то, что лежит на дороге, — бери, пой. Чтобы воплотить свои мечты, действительно творить, нужен свой театр, который строит репертуар в расчете именно на тебя, нужны единомышленники. На Западе этого у меня не было. А переезжать из театра в театр — это дает обеспеченную жизнь, но не творческое удовлетворение. Я предпочитала давать концерты.

С другой стороны, если бы я всегда жила там, на Западе, наверное, и характер другой выработался бы, и судьба была иная. И может, я не стала бы тем, что я есть. Так что все вышло так, как должно было, — все от Бога.

Зато знаю, что случилось бы, останься мы тогда в Москве. Ростроповича не было бы вообще — это точно. Он либо спился, либо покончил с собой, и я потеряла бы мужа, семью. Примеров такому повороту событий на нашей памяти достаточно, и выбора у меня не было: речь шла о жизни. Рада, что нашла в себе силы поставить на всем точку и уехать.

— Нам надо было скрыться с глаз долой. Я надеялась, что лет через пять о нас забудут, все утрясется, успокоится — и мы

вернемся. Но нас и за границей не оставляли в покое, а в 78-м лишили гражданства — подло, заочно, не соизволив даже известить лично. Узнали об этом из сообщений по парижскому телевидению...

Наши вожди думали, будто выбросили нас на капиталистическую свалку и мы пропадем там. В назидание другим. То-то было б радости! А мы вот выжили, хотя мою творческую жизнь, повторю, искорежили. Она бы сложилась иначе. Не лучше, не хуже — по-другому.

— Позвольте усомниться, что все было так грустно. В 77-м году вы были признаны лучшей певицей мира, записали множество пластинок, которые все (!) удостоены различных премий. Запад успел и сумел оценить вас...

— Помогла пройденная школа, привычка делать все, за что берешься, по высшему разряду, держать уровень. И все-таки театр уже не приносил мне

ям в газетах и по телевидению и вспоминая ваш первый приезд, это не вызвало у вас большого восторга...

— Не знаю, как у кого, а у меня не было никакой тоски по березкам, матрешкам и резным окнам. Никакой. Я знала, что никогда не увижу свою родину. И приняла это как данность, жесткую, несправедливую, но неизбежную. Надо было встать в чужую жизнь. Мы и вросли. И вросли. И когда в 91-м намечались гастроли Ростроповича с Вашингтонским оркестром в Москве и Ленинграде и появилась возможность побывать на родине, я не хотела ехать. Зачем? Чтобы вновь пережить прошлое, исходить гневом? Власть была прежняя, как и раньше, держала народ в скотском состоянии. А всевозможным красивым словам я давно научилась не верить. О предстоящих гастролях уже шла речь, они рекламировались, а

— Но, по-моему, это не единственный ваш благотворительный фонд, работающий в России?

— В Петербурге есть наш Медицинский фонд помощи больным детям. Мы сотрудничаем с Петербургской педиатрической академией. Через наш фонд туда поступает необходимое оборудование из самых разны стран. Врачи там уникальные, проводят совершенно невозможные операции. А с техникой плохо. Сделали, скажем, чудо-операцию, а ребенок умирает. Нет дыхательных аппаратов, способных вести его дальше... Был один, для взрослых, который приспособили к детям — кустарным способом надставляли толстые трубки, а то они не проходили в горло, и нянька стояла держала эти трубки... Через наш фонд японцы прислали нужные аппараты, теперь стало полечить.

С этой Академией педиатрии у меня

По тому, как мыслится школа, это будет уникальное учебное заведение. Другого такого в мире нет. А оно очень нужно. Консерватория учит петь, но не готовит к театру. Благодаря своим данным человек может после ее окончания попасть по конкурсу в театр, но там с ним тоже никто не будет возиться, заботиться о его творческом росте — некому и некогда. Сколько на моем веку певцов с прекрасными голосами так и не смогли ярко проявить себя, остались на выходных ролях!

Наша школа должна стать таким необходимым звеном в становлении оперного певца — между консерваторией и театром. Чтобы он приходил в театр подготовленным и вокально, и сценически, с серьезным репертуарным багажом. И в театре уже не пугливо озирался, не поглядывая заискивающе на дирижера, не погружался в интриги, чтобы добыть себе какую-то партию, а с полным основанием мог претендовать на достойное участие в спектаклях. И переходя из театра в театр, предъявлял не только красивый голос, а внушительный список подготовленных партий, пусть даже по каким-то причинам еще не спетых на большой сцене.

В нашей школе каждым певцом будут специально заниматься — дирижеры, концертмейстеры, режиссеры, преподаватели вокала, пластики, дикции. Будет зал на 250 мест. Школа уже строится. Какой она выйдет — покажет жизнь. Больше всего мне хочется успеть сделать то, что не дала совершить окаянная советская власть, передать мое умение, мое искусство русским певцам, раскрыть им тайны оперной сцены.

— В Москве уже есть театр, носящий ваше имя...

— Да, детский. Но его создали без моего участия. Я была в Москве, и мне позволили: у нас в Перовском районе есть детский музыкальный театр. Не разрешите ли дать ему ваше имя? Да ради Бога! А в следующий приезд, после моего мастер-класса в Малом зале консерватории, ко мне подошли девочки-подростки лет пятнадцати: "Мы из театра Галины Вишневской. Приехали за вами на машине, поедете с нами". Поехала. И была потрясена. Дети всех возрастов — от самых маленьких до старших, девочки, но есть и мальчики; ставят старинные пьесы. Все делают сами — поют, танцуют, мастерят диковинные декорации, костюмы, парики. Как это красиво, по-человечески красиво, сколько в этом всем вкуса, увлеченности, таланта! Многие из совсем простых, рабочих семей. И когда я на них смотрю, каждый раз вспоминаю свое детство. Так же и я когда-то бежала заниматься к моему первому учителю пения в школе, и мне тоже не хотелось после занятий уходить домой. Вот уже несколько лет, как я влюблена в эту школу и при первой же возможности еду туда, занимаюсь с ребятами, смотрю их новые спектакли.

Меня всегда поражает странное отношение русских людей к своему истинному богатству. То ли потому, что у нас его слишком много — можно плевать на него, проходить мимо? Но это же преступление! О Детском театре было несколько передач — приезжал телевидение, снимало мои занятия, отрывки из спектаклей. Я говорила и давно кричу едва ли не на каждом углу: школе нужна помощь, помогите, богатые люди! Ведь эти девочки, девушки — будущие жены ваших сыновей, матери ваших внуков. Хватит смотреть на продажных красавиц по телевизору или около дверей ресторанов, настоящие красавицы — вот они! Ходят заниматься в театр обычного рабочего района столицы. Так помогите, чтоб не погиб театр! Но все мои призывы — как об стенку горох.

В общем, планов и забот — только поворачивайся, на сто лет вперед. Были бы эти сто лет...

— А есть в этих планах — продолжать книгу, рассказать, что было дальше?

— Так вот я вам и рассказывала. Чего же еще? Если же говорить серьезно, то многие просят продолжения: когда? когда будет? А мне не хочется писать. Для этого нужно накопить внутри себя столько жгучего материала, столько незабываемых впечатлений, чтобы они ворочались в тебе днем и ночью, не давали покоя, требовали выхода. Так было у меня с первой частью моей жизни, до 1974 года, когда мы вынуждены были уехать из России. Во мне все кипело. И книга была единственным способом поделиться с людьми накопленным и пережитым; другого у меня не было. А теперь есть: в каждый мой приезд я даю интервью, выступаю по телевидению, встречаюсь, беседую с массой людей. И никакой языковой барьер не мешает. Я среди своих. Все меня прекрасно понимают, и я понимаю всех. Так что, чтобы поделиться с людьми своими планами, надеждами, горестями и заботами, теперь мне необязательно писать новую книгу. Есть дела поважнее.

Галина ВИШНЕВСКАЯ:

## Красивым словам я давно научилась не верить

Известная певица, автор книги "Галина" в беседе с Евгением Ефимовым

прежней радости. Единственной интересной новой оперной партией была Леди Макбет в опере Верди в Эдинбурге. И в 1982 году я решила оставить оперную сцену — спела на прощание восемь спектаклей "Евгения Онегина" в парижской "Гранд-опера".

Публика, пресса, импресарио были в недоумении: как, голос звучит прекрасно, успех есть огромный! Но я твердо сказала: все. Лучше уйти на несколько лет раньше, чем на неделю позже.

А концертную деятельность продолжила. И много записывалась на пластинки. Здесь у меня действительно было немало ярких без преувеличения работ. Это прежде всего Катерина Измайлова, о которой я говорила. В России мне не дали записать Тоску — я сделала это в Париже. В "Пиковой даме" пела Лизу — в России я ее тоже не смогла записать.

С "Пиковой дамой" случилась примечательная история. В записи должен был участвовать хор из Болгарии. Наши власти прознали об этом. ЦК КПСС немедленно связался с братской компартией — и хору запретили выезд в Париж. До записи оставалось две недели. Можно представить, чего стоило найти новый хор, который бы за такой срок сумел выучить оперу — по-русски! Собирали хористов из всех церквей. И они пели. И подобного внимания к нашей творческой судьбе со стороны советской власти было в избытке, пакостили при каждом удобном случае.

...В "Борисе Годунове" я записала две партии — Марины Мнишек и Шинкарки. Вновь спела Наташу в "Войне и мире" — причём это была полная, четырехчасовая версия оперы — всюду она идет в сокращенном виде. Я уже записывала эту оперу в Москве в 1961 году и получила "Гран-при" Парижской академии. И вот за эту же партию, записанную через двадцать пять лет, я вновь была награждена "Гран-при" той же академии. По-моему, в истории грамзаписи и оперного искусства такого еще не было, рекорд. Записала "Юлантау" — и поставила как режиссер эту оперу с молодыми певцами в Англии. В Монте-Карло, Вашингтоне и Риме поставила "Царскую невесту", красивый получился спектакль. Выпустила на пластинках много камерных программ — в основном русской музыки. Последний альбом сделала в 1991-м. Регулярно вела веду мастер-классы в разных странах. Обездила весь мир.

Да, еще — писала эту книгу, "Галина". Налаживала быт семьи. Растил дочерей. Потом выдавала их замуж, радовалась внукам. Теперь у меня их шестеро. Четверо у Елены, двое — у Ольги. Это самое ценное наше приобретение на Западе.

— В 1990 году вам вернули советское гражданство. Судя по тогдашним сообще-

мы все еще оставались врагами народа. Указ действовал — его отменили за три недели до нашего приезда, успели. Вот был бы скандал! Вернули, как и лишили: не спрашивая. Естественно, никаких извинений, сожалений. Даже не хватило ума свалить все на Брежнева. Такое впечатление, будто выбросили вещь на свалку, а потом одумались: может пригодиться, и подобрали. А Солженицын еще долго оставался врагом народа. Мы поставили в парижском доме специальную мощную антенну и следили за съездами депутатов. Меня тошнило от этой говорильни — страна дышала на ладан, а ее правители вели разговоры, как сохранивший свой социализм-коммунизм.

Мой первый приезд в Россию запомнился мне тем, что я, по-моему, за все дни здесь ни разу не улыбнулась. Воспринимала происходящее как каменная.

Понадобились немало времени, коренное изменение всей политической обстановки, август 1991-го, приход Ельцина, его команды, чтобы понемногу исчезли обиды и осторожность. И пробудилась вера, что действительно рождается новая Россия. Поэтому сначала я приехала редко и на несколько дней — только по каким-нибудь делам.

— Например, на юбилейный вечер в Большом театре?

— После того как Большой театр меня предал — "наградил" за мои 22 года на его сцене, — я думала, что ноги моей никогда там не будет. Но когда в начале 1992 года театр предложил мне устроить мой вечер в честь 45-летия творческой деятельности, я с открытой душой согласилась. Я подумала тогда: тех, кто меня предал, уже нет в театре, пришли новые люди, много молодых, совершенно мне неизвестных — вправе ли я их обвинять в случившемся с нами? И я вышла на сцену родного театра. И вновь, после восемнадцати лет отсутствия, испытала все прежние чувства — любви, упоения, страха, восторга — и каждую минуту в течение всего вечера ощущала, как меня капля за каплей покидает давняя боль, уходит обиды — им не остается места в моем сердце. Я поняла, что меня не забыли, помнят и все всё хорошо понимают. Мне нужно было это, чтобы ушла душившая меня ярость. Я не тот человек, который может копить в себе злобу и долго жить с ней. Вечер был грандиозный. Три часа шла прямая трансляция из театра, первая программа телевидения даже отменила один выпуск вечерних новостей. Да, в России если уж быть — то до смерти, а если прославляют — то без всякого удержу и меры. Всё от всей души. Тогда же я основала "Пенсионный фонд Галины Вишневской" для помощи солистам оперы и артистам хора Большого театра. Фонд этот работает и сейчас; в него поступают гонорары за мою книгу, и за это издание тоже пойдет туда.

Мы все еще оставались врагами народа. Указ действовал — его отменили за три недели до нашего приезда, успели. Вот был бы скандал! Вернули, как и лишили: не спрашивая. Естественно, никаких извинений, сожалений. Даже не хватило ума свалить все на Брежнева. Такое впечатление, будто выбросили вещь на свалку, а потом одумались: может пригодиться, и подобрали. А Солженицын еще долго оставался врагом народа. Мы поставили в парижском доме специальную мощную антенну и следили за съездами депутатов. Меня тошнило от этой говорильни — страна дышала на ладан, а ее правители вели разговоры, как сохранивший свой социализм-коммунизм.

Мы хотели, чтобы наш фонд работал и в Москве. Говорили с руководителями некоторых больниц, предлагали помощь. И не встретили никакого энтузиазма. Один директор нам прямо сказал: нам не нужна аппаратура, нам нужны деньги. На что мы ответили: денег не получите, мы знаем, куда обычно уходят деньги. Помощи и кредитов Россия получила достаточно, а проку от этого никакого. Да его и не будет, пока люди не уеют раз и навсегда, что нельзя лгать, нельзя воровать, обирать больных и беспомощных. Так что пока работаем только с Петербургом.

— А творческая деятельность?

— Продолжается. Я уже не пою. Но осваиваю новые амплуа. Вот снялся в фильме "Провинциальный бенефис". Может быть, фильм не всем понравился — это был смелый эксперимент: соединить несколько пьес Островского в один сценарий и сделать Кручинину оперной певицей. Но все же он получился красивый: дивные русские пейзажи, великолепные актеры. И для меня это была совершенно новая, интересная работа.

Никак не ожидала я, что после стольких лет сценической деятельности вновь стану дебютанткой. А это случилось. Во МХАТе я вышла на сцену в драматической роли, да еще в какой — Екатерина Великая! Конечно, не Бог весть какие проблемы поднимаются в пьесе, но спектакль, по-моему, получился яркий и публике очень нравится. С радостью еду на гастроли с театром по городам России — и волнуясь всякий раз перед выходом, как сорок, и тридцать, и двадцать лет назад...

...Сейчас я участвую в создании в Москве "Школы оперного пения Галины Вишневской".